

Бирюк

Автор:

Галина Чередий

Бирюк

Галина Валентиновна Чередий

Любовь без обоснуя #3

– Овца такая, еще бегать за тобой! – рявкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног. Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся по земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива. – Пожалуйста... – прохрипела она. – Не надо... Вам заплатят... – Заплатят, куда ж денутся, – цинично фыркнул ублюдок. Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

Содержит нецензурную брань.

Галина Чередий

Бирюк

Бирюк – 1. Волк-одиночка (обл.). 2. перен. Нелюдимый и угрюмый человек (разг.) (Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов)

Глава 1

– Они работают как надо? Уверена? – повертела я в подрагивающих руках прозрачный пакетик с десятком голубых таблеток, если честно, адски напуганная этим ужасным чувством жадного предвкушения внутри. – Прошлые не особо-то действовали.

– Да ладно? А на тебя глянув, я бы так не сказала, – ухмыльнулась Милана, оглядев меня с ног до головы. – По мне, так ты десяток кэгэ скинула с прошлой нашей встречи.

– Но этого недостаточно! – буркнула я, впихивая ей в ладонь пару крупных купюр.

– Ты смотри, чтобы перебора не было, – покачала она головой. – Знаешь, бывают же вещи, которых просто невозможно достигнуть.

– Напекаешь, что я родилась жирной коровой и другой быть мне не вариант? – вспыхнула я моментально.

Легко умничать, когда сама без труда выглядишь как недостижимый идеал. Идеал для моего Гошки, а значит, и для меня. Потому что черта с два я сдамся и смирюсь с тем, что стану уже совершенно нежеланна для любимого мужчины.

– Эй, не психуй! – отступила на всякий случай Милана. – Чтобы ты знала, повышенная раздражительность – побочка у всех этих пилюль. Не безопасные они ни хрена. Так что башкой подумай, стоит ли из-за мужика...

– Из-за мужика не стоит! – оборвала ее я. – А для мужа законного – да.

– Как знаешь, – пожала она острыми плечами, заставляя меня давиться от зависти при взгляде на ее выпирающие, обтянутые только тонкой кожей ключицы. На таких вот остреньких углах и зависал мой муж, я видела, хоть он и думал, что не замечаю. У меня-то там... м-да. – Но я бы не стала. Ни за что.

– Просто мужчина тот самый не попался еще тебе, – отшутилась я уже ей в спину.

Оставшись ненадолго в туалете кафе в одиночестве, уставилась в изрядно заляпанное посетителями зеркало, офигевая от вида своих расширенных зрачков и позволяя себе в полной мере осознать, как же я дико устала от всего. От этой вечной гонки за стройностью, в которой мне все не удавалось победить. От выжимания себя чуть не досуха на тренажерах, что не только было призвано добиться желанных форм, а точнее, их отсутствия, но и изгоняло эту зудящую непрерывно в последнее время неудовлетворенность, тоску по другой усталости, которая и не усталость вовсе, а сытая истома поющего после наслаждения тела. От боли в суставах и мышцах, что поселилась во мне и отпускала только после очередной чудо-пилюли. И душевная боль от того, что все время ловила Гошку за пристальным рассматриванием какой-нибудь суперстройняшки, которая изящнее, моложе, изысканней меня, тоже уходила с этим, как и голод с изнеможением. Открыла кран, вытрясла один голубой кругляш и запила его, запрокидывая голову, отдающей хлором водой.

Вернувшись за столик, Милану уже не застала и сама засобиралась поскорее из этого месторождения еды, что имеет неизбежное свойство цепляться на мои бедра и талию, тормозя на пути к мечте. При выходе на еще холодный по весне воздух меня сильно шатнуло, и только придержавший за локоть случайный прохожий не дал упасть. Извинившись, я заторопилась к машине. Надо заехать навестить отца. Еще одно ежедневное неизбежное испытание. Я его, конечно, безумно люблю, но в последнее время папа становится все невыносимее. Болезнь так сказывается, что ли? Или это просто уже возраст? Но при каждой встрече он буквально изводит меня одним и тем же.

– Господи, Алька, да ты все зеленее и зеленее! – возмутился он вместо приветствия, сурово сдвинув седые брови.

– Привет, пап, как ты сегодня? – будто и не замечая этого, поздоровалась я. По дороге в больницу меня уже изрядно попустило. Настолько, что могла улыбнуться ему, делая вид, что не знаю, как все пойдет дальше. Как всегда.

Смотреть на него, полусидящего на кровати в больничной, хоть вип-класса, но все равно наполненной аурой безысходности палате, с вечными капельницами и плачущими приборами – само по себе испытание. Чего уж говорить о споре с ним таким.

– Я сегодня так же, как и вчера. Умираю потихоньку, – огрызнулся он. – А вот ты, смотрю, решила тоже на тот свет отправиться.

– Ну пап! – вздохнула я, закатывая глаза и чувствуя при этом легкое головокружение.

– Что ты мне «папкаешь»?! – раздраженно продолжил он. – Ты себя в зеркале видела? Прозрачная почти и костями гремишь.

– Все я видела.

– Что, нравишься себе такой? Как смерть, ей-богу!

– Все со мной в порядке, – стремительно теряя терпение и подаренное препаратом хоть ненадолго чувство физического комфорта, отмахнулась я. – Быть стройным – признак здоровья, и это красиво.

– Алька, красиво – это когда от природы уродилась доска доской, и то на любителя. А ты у меня не той породы, ясно?! И этому своему альфонсику так и передай! Не прекратит тебе голову всякой херней с этим похудением забивать, я и из могилы встану и башку ему откручу!

– Да хватит, папа! – впервые в жизни я позволила себе заорать на него. – Прекрати во всем обвинять Гошу! И называть его так не смей! Их семья...

– Ой, да знаю я все про их семью и про пыль, что эти голозадые всем в глаза пускать привыкли! – скривился он пренебрежительно. – И кого ж мне еще винить? До его появления ты у меня была нормальной девчонкой, здоровой, а не вот этим суповым набором! Ты посмотри, как из концлагеря уже! Вены просвечивают, глаза запали, руки-ноги что те палки стали, кости скоро кожу прорвут! Кончай мне это!

Его приборы заверещали, в палату торопливо вошла медсестра, начав что-то говорить про беспокойство больного, и я уже подскочила, торопясь уйти.

– А ну стой, Алька! – громыхнул отец, отмахнувшись от медработницы. – Я тебе на полном серьезе говорю: не прекратишь угождать этому своему гаденышу мужу и гробить себя, я тебя в клинику запру, а ему такого поджопника отвешу – хрен когда увидишь его.

– Что же ты все время лезешь к нам, пап?! – не выдержав, взорвалась я. – Не понимаешь, что ли, что не заставляет он меня, я сама все, сама! Я хочу быть привлекательной для него!

– Дура! Ты жена ему законная, и от тебя он никуда не денется! Не от моих денег за тобой уж точно.

Господи, как тошно уже от этого! Мало того, что всю жизнь я жила с пониманием, что за этими его проклятущими влиянием и деньгами меня никто не видит. Вечно как в какой-то зоне отчуждения. Естественно, кто же сунется даже с обычным флиртом к единственной дочери долбаного Стального короля, зная его нрав крутой и замашки едва ли не бандитские! Только смертник какой, ведь если что не по его – все, ищи потом человека. Гошка вон только и решился, с ним хоть узнала, как женщиной себя чувствовать, и то отец над нами вечно коршуном нависал, пока не плюнули и не уехали на съемную квартиру.

– Да плевал Гоша на деньги твои! Он меня не за них полюбил.

– Если не за них и если полюбил, то чего тебе тогда морочиться и себя пытаться, а? Живи себе спокойно, детей роди, коли муж хороший да любит. Вон, твоя мать никакой дурью не страдала. Знала, что люблю, и не дергалась.

У меня аж в глазах потемнело. Ведь это как раз их родительский пример мне дышать нормально временами не дает.

– Знала, да? И о том, что ты по выходным за городом с девками отдыхаешь, она тоже, между прочим, знала и рыдала ночами, да только тебе никогда и слова не говорила. А и сказала бы... ты же...

– Да ты... не твое это... – схватился за грудь отец и отвернулся, а мне стало стыдно за себя и страшно за него.

– Прости, пап... – рванулась к нему, но он рубанул ребром ладони по воздуху, будто проводя между нами непреодолимую черту.

– Твоя мать, Алька, была золото, а не женщина, ей равных нет и не будет, – прохрипел он. – А ты бы с нее пример брала. Она знала, что девки эти все у меня

– пустое, что я ее и всегда буду. Семья у нас была, а остальное – пшик один. И если твой Гоша тебя любит, как говоришь, и ты с этим смиришься.

– Не хочу! Не буду, пап! – вскочив, я пошла на выход. – Я терпеть, молча рыдать и сгореть раньше времени, как мать, не хочу!

Мой муж должен во мне не только жену, дом, очаг видеть. Я желанной быть ему хочу. Как вначале. И ради этого все сделаю.

Меня трясло и пошатывало, пока я шла к машине, желудок превратился в обжигающую черную дыру, и я понимала, что избежать худшего не удастся. Мои нервы сейчас были разорваны в хлам, остановиться я не смогу, даже зная, что только сделаю себе же хуже.

Притормозив у первого же кафе быстрого питания, я ввалилась туда, заказывая целую гору еды. Заглатывала все, почти не жуя, наплевав на удивленные и осуждающие взгляды окружающих. Ела без остановки до тех пор, пока не ощутила это – спазм острейшего отвращения к себе вот такой, безвольной, недостаточно хорошей, чтобы любить и желать меня какая есть, и не способной стать ни для кого какой надо.

Зажав рот, рванула в туалет, где меня рвало, пока внутри не осталось ничего. Я рыдала, склонившись над раковиной и пустив воду, а мимо кто-то ходил, наверняка пялясь презрительно на меня, похожую на раскисшее дерьмо. Успокоившись, я тщательно умылась, проглотила еще волшебную пилюлю, и, доехав, еще минут тридцать накладывала новый макияж и усиленно тренировала непринужденную улыбку на лице, прежде чем подняться в квартиру. Мой любимый мужчина не должен видеть меня размякшей истеричкой.

Глава 2

– Не давай больше ключи этому долбо*бу! – влетел за мной следом в яровский кабинет придурок Боев. Вот реальный придурок правда стал, как с мелкой моей сошелся. Раньше душа-мужик был, шутки временами дебилские, но в целом-то

нормальный. С ним и прибухнуть без тормозов можно было, и в бане с телками оттянуться... Ладно, от последнего я сам первый отказался, долбоящер. Да так назад и не втянулся. А х*ли втягиваться, когда ты больше не мужик? Один кайф в жизни и остался, а этот лезет еще. Лечит. Иди, бля, вокруг Катьки хороводы води.

- Отъ*бись, Андрюха, - рыкнул я через плечо.

- А я говорю - не давай ему ключи, Камень! Он же опять забухает там на все выходные!

- А тебя оно *бет? Мои выходные - как хочу, так и оттягиваюсь, - бросил через плечо. - Я что, с работой косячу? Подвожу кого?

- Да ты скоро кусками печени разложившейся блевать начнешь, *банат! - грохнул по столу кулачищем истеричка-качок.

- Опять же печень мо...

- Да х*й ты угадал, мудила! Катька как глянет на тебя, так плачет потом, успокоить не могу! Совесть есть у тебя, гад? - Есть, и прямо сейчас она душевно так вгрызлась в сердце. Прости, сестрён, что вот такой тебе у*бан брат достался. Забей на меня, роднень, я слез не стою. - Что ж ей душу выматываешь? Из-за кого? Из-за курвы какой-то продажной?

Не поймешь ты, дружище. Да и не твое это дело.

Я наткнулся на тяжелый взгляд Камнева и сдержал порыв поежиться. Пялится вечно этими зенками своими, глубоко посаженными, как насквозь рентгеном просвечивает. Кажется, всю мою позорную подноготную как на ладони видит. А может, и не кажется. Камнев, он такой. Хорошо хоть большей частью молчит. Зато Боев за двоих справляется.

- А ты мне Катькой в рожу не тычь! - отгавкнулся я. - Ты когда ее женщиной порядочной сделаешь, лучше отвечай! У нее уже пузо видать, а ты все яйца мнешь. Если передумал - убью к хренам.

– У моей конфеты не пузо, ясно? Еще так назовешь – втащу. И ты, сука, совсем уже мозги пропил, Колян? – нахмурился Боев еще сильнее. – Я бы уже сто раз Катьку в ЗАГС затащил, но ей так-то свадьбу хочется, а на свадьбе этой должен быть ее единственный родной брат, мать его ети, причем в нормальном виде, а не похожий на кусок заросшего, опухшего от бухла дерьма! От тебя народ уже в офисе шарахается, чучело!

– Вот и пусть себе шарахается, – отмахнулся я. – Так что, Яр, ключи от избушки одолжишь? Нет, так я и в палатке на природе перекантуюсь.

– Совсем *банько, – закатил глаза Боев. – Конец февраля на улице. Да дай ты ему уже эти бл*дские ключи, а то замерзнет в сугробе каком, а мне потом как Катьке в глаза смотреть? Когда ты очухаешься уже, Шаповалов? Ну, бля, понимаю: приуныл, прибухнул сначала, полечился чуток. Но потом пойдя ты лучше в загул по бабам, оно точно работает безотказно, а не со стаканом дальше братайся! Уж от шалав все вреда здоровью меньше, хоть ты хер с ними сотри. Тьфу!

Он досадливо сплюнул и свалил, хлопнув дверью.

– Андрюха дело говорит, – уронил веско всегда немногословный Камнев, вытаскивая из ящика связку ключей и кладя их на столешницу.

– Андрюха у нас – поговорить любитель, – ухмыльнулся я, отказываясь встречаться с ним взглядом.

– Так и есть. Но это правоты его не отменяет.

– А я разве спорю? – все так же отказываясь смотреть ему в лицо, ухмыльнулся типа бесшабашно я.

– Колян, может, ну его, лес этот? – с хрустом щетины потер квадратный подбородок друг. – Давай сегодня сядем, вместе пару пузырей раздавим и потрындим за жизнь спокойно.

– Спокойно? А Роксана у тебя сама будет с детьми подкидываться, пока мы расслабон ловить станем?

– Роксана поймет. Объясню ей. Катюку вон на помощь ей пошлем.

– Что объяснишь? – мигом заведясь, я встал и сгреб со стола ключи. – Что есть у тебя друг-компаньон, слабак и нытик, и надо ему сопли подтереть да присмотреть, как за ссыкуном несмышленным?

– Не городи х*йни. Друзья – они для всего. И сопли подтирать, коли надо, и в рожу дать. А иногда просто вывалить на них, чё за говно на душе.

– Говно надо не на друзей вываливать, – отмахнулся я и ушел. Сбежал. Услышав в спину тихое «Не прав, ох, не прав, мужик».

***

– У нас сегодня тушенка хорошая. Две по цене одной. И килька в томате вкусная тоже. – Продавщица в поселковом маркете, как ни старалась, не могла скрыть осуждающее выражение лица, пробивая мне три бутылки водяры и столько же банок с консервами.

– Тонкий намек, что закусывать активнее надо? – зло оскалился ей я и демонстративно прихватил еще и пару полторашек пива в холодильнике перед кассой и большой пакет чипсов, хер его знает какого вкуса. Жрать их не собираюсь. – Как не принять во внимание слова умудренной опытом дамы.

Вот как назло уже три недели подряд я попадаю на нее, когда тарюсь перед тем, чтобы забуриться в лес. Она мне точно уже ярлык «алкаш конченный» на лоб припечатала. Вон как горестно вздохнула, головой качая.

Да и класть я хотел на ее мнение. И вообще на всех с их жалкими потугами воззвать к моим совести и разуму. Просто... ну, сука, как наждаком по шкуре от ее взгляда. Да нах!

Добравшись до избушки, я первым делом принялся дрова колоть, воткнув пузыри с огненной водой в снег у крыльца. Я, может, и конченный, и алкаш и не мужик больше, но желания закончить жизнь самоубийством, медленно замерзнув тут, не имею. Пока. Там... как пойдет.

– Коленька, я тебя умоляю, поверь мне, любимый!

Голос Аньки, то молящий, полный слез, то проклинаящий, бьющий жесткой, как железный прут, по открытому сердцу ненавистью, занудел в голове привычной, намертво заевшей пластинкой. Которую, гадину, не вырубить, не разбить, даже если сам башкой об стену бейся. Тоже пробовал поначалу.

Перед глазами тут же вставало ее некрасиво зареванное лицо, распухший, всегда идеальный аристократичный нос и то, насколько дико смотрелось ее тонкое запястье в кольце наручников, что были прикованы к ручке в Андрюхиной тачке. В первый момент меня аж повело от ярости. Думал, за*башу Боева. Как посмел только! Мою женщину! Мою Аньку! А потом... Потом только и помню, как блевать тянуло с каждой минутой и открывшейся подробностью все больше. Моя женщина, да? Папина дочка из приличной семьи? Ну, подумаешь, папаня – раздолбай и в бизнесе полный лох, но люди-то порядочные.

Порядочные, ага. За малюсенькой поправочкой. Никакой он ей был не отец. А Анютка, как выяснилось, никакая не моя женщина. Где были мои глаза? А мозги? А хоть элементарная природная подозрительность? Почему, почему, бля, обладая такими возможностями, я не пробил эту «семью» на вшивость хоть слегка. Вылезло бы же все мигом. Но не стал. Даже мыслишки краткой не мелькнуло. Почему? Так она меня зацепила? За яйца и за мозги разом взяла? Но как? Как? Кто я, сука, после этого?

– Я думала, ты мой шанс! Выбраться из этого всего, зажить нормально! Он меня заставлял!

Ага, Колян, не любимый ты никакой, ты – *баный шанс. Лесенка в достойную жизнь, палка-открывалка в нее.

– Ты не мужик, ясно?! Да мне под тебя и ложиться каждый раз тошно было и что кончаю изображать! Ты же понятия не имеешь, как бабе удовольствие доставить! Отстой, привык шлюх за бабки драть! А что сам по себе можешь? Ничего! Только для себя, о себе! Не мужик! Был бы мужиком, никому бы про меня не поверил!

И опять руки заламывать давай, глаза змеиные закатывать. Ноги типа подогнулись, на пол рухнула. А у меня тогда и боль адская навывлет в сердце, и

одновременно весь как глыба льда.

- Ты мою сестру насильнику продала.

- И что? Я от тебя опасность отводила и ярмо это детдомовское снимала! Ты мне ноги целовать за это должен! И защищать! Хоть от кого! Любил бы - все простил и всех бы на хер послал, меня одну слушал! Все тебе вокруг кто? А я твоя, твоя... я для тебя все, Коленька, родименький! Меня слушай! Люби, как я тебя. Люблю же, люблю! За тебя и продам, и предам, да хоть своими руками кого убью!

Мне как позвоночник ломало в ста местах сразу, желудок - как мешок с красными углями, в сердце - что той нечисти колом. Протянуть бы руку. Зарыться в знакомый шелк волос. Подтянуть к себе. Прижать мокрой щекой к своей. Вдохнуть запах дорогого парфюма. Забыть начисто, что сделано и наговорено. И оказаться в иной реальности, где она не мразь продажная, что мною едва ли не брезгует. Пока я в постели кайфую, как слепой *банашка, просто держит лицо и терпит, терпит.

- Не настолько ты хорошо сосала для этого, Анята, - процедил сквозь зубы, а по ощущениям - кровь себе пустил. Дурную, лишнюю, пусть уходит с ее отравой.

- Пошел ты! Все вы пошли! Бросили меня все!

Так и было. К тому времени, как я ее приволок в их с «папой» личную квартиру, которая на деле оказалась съемной хатой этой парочки гастролирующих аферистов, ее любовника там уже и близко не было. Чутье у прожженного гада сработало. Собрал манатки и съ*бался из города, бросив «дочуру»-подельницу на произвол судьбы. И правильно сделал. Аньку я, конечно, не тронул. Пусть орала дурниной и бросалась, оскорбляя по-всякому, но руку поднять на ту, с которой... спал... которую любил... женой своей видел. Не мужик я, ага, но и не чмо позорное до такого опускаться.

Выгреб я тогда все наличные бабки, что были у меня дома, дал пятнадцать минут на собрать барахло самое необходимое и вывез за город. Бросил прямо на трассе, выслушав в очередной раз, какая я тварь и не мужик, и оставил там. Велел никогда больше не сметь возвращаться и вообще забыть обо мне, Катьке - обо всем. Ибо, если узнаю, дойдет до меня, что где-то рот раскрыла, хоть, по сути, и не знала ничего, найду и тогда уже не пожалею, удавлю. И уехал,

оставляя ее на дороге с чемоданом, чувствуя себя гаже некуда. Но такие не пропадают. Ни на трассе, ни в чистом поле. Уехал, а вот голос в голове, орущий «ты не мужик, не мужик, не мужик, пустое место, ничтожество», так пока извести и не смог. Ведьма, видно, Анька-то.

Вернувшись, собрал ее остальное шмотье, глотая с горла водку, ею же и полил, вывалив на мусорку, и даже поджег. Соседи вызвали ментов. Мужики были знакомые, сказали «не надо так делать, Шаповалов» и даже подвезли в ближайшую сауну. В которые я больше не ходок. Потому как не встал у меня. Ни сам по себе. Ни во рту у девки. И через день не встал. И через неделю. Вот потому больше и не позорюсь. Видимо, права Анька. Не мужик я. А смотреть в понимающие, услужливые глаза шлюх, убеждавших меня за мои же деньги, что все норм, со всеми бывает, и вовсе тошно стало с того времени. За деньги-то и нестоячему поклоняться, да? И *баря самого конченого богом секса назовут. И любовь изобразят и оргазмы. Так, выходит?

Глава 3

– Алька, не начинай! – шикнул на меня Гоша, когда я, уместив голову на его плече, принялась поглаживать грудь через рубашку. – Устал я.

В глазах мигом защипало от обиды. Последний раз у нас был уже почти месяц назад, а после этого все, что я получала в качестве близости от мужа, – полусонные объятия и быстрые формальные поцелуи перед выходом из дома и при встрече. Чертовски недостаточно.

– Давай я тебе массаж сделаю, а? – проглотив привычную уже горечь, сумела натянуть улыбку и принялась расстегивать пуговицы на его рубашке. Черт, но в журналах же пишут, что мужикам тоже бывает сходу не до секса. И причину сразу в себе искать не стоит.

– Да не надо, Аль! – неожиданно почти грубо отмахнулся муж, и я вдруг поняла, что он весь напряжен, как струна, за малым разрядами от него не шарахает.

– Гош, я знаю, что ты устаешь. Понимаю, как тебе трудно. – Вздохнув, я осторожно зарылась пальцами в его волосы и принялась мягко массировать кожу его головы. Знаю, он просто обожает это. Вот и сейчас заметно расслабился и даже глаза прикрыл. Господи, я хочу, хочу его... близости хочу. – На тебя столько всего свалилось. Но и отдохнуть тоже хоть капельку надо. Я тоскую по тебе, как чужой стал в последнее время.

Наклонившись, я нежно поцеловала уголок его рта, помня и об этой его слабости. И еще раз, ожидая отклика. Гошка никогда не любил агрессивных, навязанных, слишком глубоких поцелуев. Поначалу я, бывало, ошибалась, увлекаясь, но давно привыкла сдерживаться. Но вместо того чтобы откликнуться, Гошка дернул головой так, словно я его укусила, и вскочил с дивана в нашей гостиной, чуть не опрокинув меня на пол.

– Знаешь, да?! – неожиданно заорал он на меня, нависая и пронзая каким-то беспощадным, насмешливым взглядом. – Что ты знать-то можешь? И понимать! Папина принцесса, о которой он только и печется! Никто его доченьке не ровня, одни прощелыги да альфонсы кругом! Тебе хоть приходилось терпеть такое отношение к себе?

– Гош, я...

– Что, блин, ты? Понимаешь, что я, взрослый самостоятельный мужик, ради тебя все это выношу каждый божий день? Впрягся его бизнесом заниматься, пока старик в больнице, пашу с утра до ночи, но так этого еще и мало! Я должен ежедневно бодренько на отчеты к его величеству бегать. Выслушивать, какой я баран тупой, что он запрещает мне сотрудничать с кем-то, а между прочим, это те люди, что уже почти весь наш край под себя подмяли. Живет мозгами в своем гребаном Совке и не соображает, что времена поменялись. С бандюками ему дела вести запахло, а то, что если и дальше кобениться станем, то и завалить могут, его не колышет ни разу. Он же и так одной ногой в могиле, вот и смелый. Все на связи свои старые мне тычет, на таких же старперов.

– Гоша, остановись.

– Ну уж нет, ты же, дорогая, хотела, чтобы я расслабился, поговорил с тобой. Так слушай теперь. Мало мне всего этого рабочего дерьма, так еще и за тебя и твой внешний вид должен выслушивать. Какого хрена тебе вздумалось морить себя

голодом? Чтобы папаша твой мне мозг чайной ложкой еще и за это ковырял?

- Гош...

- Да что Гоша?

- Ты не смотришь на меня, не хочешь – вот что! Мне тебя не хватает! Как мужа моего, как мужчины! И думаешь, я слепая и не вижу, на каких женщин ты засматр...

- Дура! Ты хоть ничего из этой ереси отцу своему не наболтала? А? Отвечай!

- Нет. Но...

- Но что? Я теперь еще и кобель, что от тебя налево ходит, для него, так? Да старый же меня...

- Ничего такого, Гош! Отец, наоборот, убеждал меня дурью не страдать и закрыть на такое глаза.

- Ну прекрасно! Закрывать глаза! Алька, да ты меня, считай, подставила.

- Прекрати! Ничего подобного. Я живой человек и имею право высказывать свое мнение. Не хочу я жить, как они с мамой, слышишь? Я люблю тебя. Хочу тебя. Но если ты – нет и больше ничего не чувствуешь ко мне... Давай просто разойдемся уже.

- Разойдемся, да? – ухмыльнулся Гошка жестко. – Почему? Потому что я тебя не ублажал давно?

- При чем тут убл...

- При всем, милая. Это же, видно, ваша семейная черта – иметь по-всякому. Папаша твой мозг мне сношает, а тебе секс вот подавай, и пофиг, хочу ли я. А если что не по-вашему – вперед, Гоша, давай разводиться, мы тебя мигом сменим на другого.

– Что? – Я буквально задохнулась от боли.

– Не так, что ли? Может, уже и женишок новый на примете есть, а, Алька? Сама нашла, или старый присмотрел?

– Хватит! Я ничего этого не заслужила! Если ты устал, то идем спать, пока не наговорили ничего такого, о чем пожалеем потом оба.

– О, нет, как же! Какой спать, когда нашей принцесске хочется секса. – Гоша, кривясь и скалясь, принялся срывать с себя одежду. – Сию же минуту холоп обслужит и ублажит. Как изволите?

Я смотрела и не могла узнать любимого человека. Где тот улыбчивый, сдержанный Гоша, что ни единого грубого слова никогда не употребил при мне. Его и правда все так достало? В том числе и я?

– Прости, – пробормотала я, чувствуя себя дрянью конченной. Что я за жена, если в упор не видела, до чего он уже дошел, погрузившись только исключительно в страдашки о недостаточности интереса и желания с его стороны. Эгоистка. Все мне. Для меня. – Гошенька, прости меня.

Я протянула руки, желая обнять его, но муж опять шарахнулся, будто мои прикосновения могли его обжечь, и быстро ушел в спальню, хлопнув дверью.

***

Конечно, мне стоило все равно пойти и лечь с мужем. Но я отчего-то не смогла себя заставить. Не могу я вот так все время. Чувствовать себя навязывающейся, капризной прилипалой. Или нищенкой, что стоит с протянутой рукой, выпрашивая у него хоть каплю ласки. А еще боялась нарваться на еще большее количество злых, обидных слов, забыть и простить которые потом будет трудно. Ведь я верю, что «потом» у нас обязательно будет. Времена настанут полегче, тучи разойдутся для нас. Оба перетерпим, успокоимся, и все вернется. Ведь если у людей есть настоящие чувства, то они не могут взять и уйти безвозвратно. В никуда. Так ведь?

С утра тошнило, опять ломило все суставы, голова просто раскалывалась. Я вытряхнула в ладонь голубую пилюлю и с полминуты колебалась, глядя на нее. Может, и правда ну ее к черту эту недостижимую изящность. Ведь полюбил меня Гошка не за удобу, да и сейчас что-то появляющаяся вроде стройность не сильно-то мне помогает вернуть его внимание. Потому что не в том причина. Теперь я это знаю. Нужно время и терпение. Просто... для того, чтобы терпеть и ждать, тоже нужны силы. А я ощущаю сейчас себя разбитым корытом. Ну как я такая смогу поддерживать мужа? Только опять эгоистично ныть, как мне плохо. Будто ему и без меня хлопот не хватает. Так что это в последний раз. Завтра я прекращу. Буду очень стараться.

Гошка к утру не отошел, хотя я не замечала за ним прежде долгой обидчивости. Все так же держал дистанцию между нами и избегал любого прикосновения. Больно.

Не желая больше подставлять мужа перед отцом, села с ним за стол и съела нормальный завтрак, приготовленный нашей Ниной. Но еда падала в желудок, будто была камнями, и я не смогла и доесть тарелку овсянки, как пришлось сорваться в туалет. Когда же вышла, Гоша уже уехал. Даже не поинтересовавшись, что со мной.

Горько.

Но все пройдет. Верю.

В тренажерный зал я собиралась, рассеянно по походу пытаюсь поддержать телефонный разговор с Мариэллой, моей двоюродной сестрой. Имечком таким чудным ее маманя наградила, жена папиного брата, очень манерная дама, с которой никто в нашей семье не ладил. Так уж, как говорится, исторически сложилось. Потому как, когда мой отец со всей присущей ему топорной прямоотой и простотой говорил «Да какая в жопу Мариэлла, Манька она!», ту аж бомбило. Да и с самой сестрой мы не ладили в детстве. Она вечно, пользуясь тем, что была на пару лет младше, вымогала мои любимые игрушки, устраивая безобразнейшие истерики, а после возвращала, обязательно изуродованными до неузнаваемости. Но после того, как папа окончательно сдал около года назад, она сама стала звонить мне, приезжать, поддерживая. И опять же так исторически сложилось, что именно ей я, разок напившись, пожаловалась пару месяцев назад на тотальную холодность мужа и поделилась желанием обязательно быстро и существенно похудеть. Она же мне и нашла Милану с ее

чудо-таблетками.

– Все, не буду я больше играть с этим, – категорично сообщила ей я, хоть и у самой загорелись щеки. Смело так заявлять, учитывая, что препарат прямо сейчас в моей крови. – Мы вчера поговорили с Гошкой. Хотя точнее сказать, что он на меня тупо орал, но я поняла, что дело тут не в том, толстая я или худая. Дура я эгоистичная, не видела, что он устал от всего как собака.

– Господи, Алька, ты это серьезно? – возмутилась Мариэлла. – Ты позволила мужику на себя орать, да еще и свою вину во всем нашла? И теперь еще и запустить себя собралась? Очнись! Гоша твой сегодня есть, а завтра свалил, а ты себя опять в жирное чучело превратишь ради него?

Жирное чучело? Ну спасибо тебе, родня.

– Я решение приняла, – огрызнулась я, – пора нам настоящей полной семьей становиться. Сегодня же запишусь на прием к гинекологу своему. Хочу родить Гошке ребенка. Чтобы он больше не выдумывал себе, что какой-то легко заменяемый проходняк.

– Ну знаешь... короче, я такое с тобой пока обсуждать не готова. – И она положила трубку.

Припарковавшись перед зданием новейшего и пока единственного в нашем городе фитнес-центра, выбралась из салона и полезла на заднее сиденье за спортивной сумкой. Позади кто-то лихо притормозил, судя по визгу покрышек. Только выпрямилась, оборачиваясь в поисках лихача, как передо мной вырос какой-то детина в кожаной черной куртке и такой же черной обтягивающей шапке, надвинутой до самых глаз. Жутких. И тут же в подбородок врезался его кулак, голову отбросило, ударяя меня еще и затылком об авто. В мозгу все взорвалось болью, но сразу сознание я не потеряла. Упала на четвереньки и поползла, хрипя в попытке позвать на помощь.

– Крепкая сучка, вся в папашу, – зло пробормотали надо мной, и болью обожгло уже живот, лишая дыхания.

Нападавший пнул меня, роняя на бок, и, несмотря на замельтешившие цветные пятна, я смогла различить, что он не один. Сразу два массивных силуэта нависли

надо мной, закрывая мрачной массой весь мир.

– Мой отец... он вас... – все еще не в силах нормально вздохнуть, прохрипела я.

– Ага, был твой отец, да весь вышел, – презрительно хохотнул один из нападавших, и его новый удар в лицо отключил мое сознание.

Глава 4

Я покосился на торчащие из глубокого снега прозрачные горлышки бутылок. Воткнул лезвие топора в пень. Конченный я слабак, но бл*дский голос Аньки задрал уже меня, а бухло было единственным, что ее затыкало. Хотя бы потому, что вырубало и давало спать. Без *банных снов, что она идет такая вся несчастная в чистом поле, сгибаясь под ледяным ветром, утопая по колено в снегу, и все твердит и твердит свое гадское «ты не мужик, чмо, не мужик». Брехня, нет этого! Она уже сто пудов пристроила свою красивую жопку на чью-то еще шею. Такие, как она, не пропадают. Но и настоящие мужики так, как я, не поступают. Не выкидывают, как мусор, плевать, что дальше, тех, с кем спали. Ну а как по-другому? Запереть ее где-то? Насколько? Где? На х*я?

Выхватив из снега бутылку, я свернул с хрустом крышку и заглотил с горла. И чуть не подавился, расслышав что-то очень уж похожее на отчаянный женский крик.

– Ну, бля, поздравляю, Колян, твой психоза*б крепчает. Уже глюки слуховые пошли.

Поднес опять к губам горлышко, но тут панический далекий визг раздался снова, а спустя секунду и хлопнуло. Выстрел. С таким я не ошибусь.

Кинув бутылку, машинально подцепил топор и рванул на звук. Кажись, со стороны реки было. Шагов через десять мелькнула мыслишка, куда и зачем пру. Но как появилась, так и испарилась. Если у меня и правда не глюк на нервной, бля, (нервной, как у бабы истеричной) почве, то кричал кто-то, отчаянно нуждающийся в помощи. Женщина. А я, может, и чмо уже перед Господом

Богом, но не вообще конченное.

С быстрого шага перешел на бег, напряженно прислушиваясь и злясь на похрустывающий под ногами снег. Он мешал слышать лучше. Но как выскочил на берег реки, стало еще хуже. Тут снег повыдувало или он стоял в оттепель недавнюю, но зато сама речка вскрылась ото льда чего-то в такую рань, и шум воды глушил все. Зараза! Аж в башке гудело от усилий. Однако крик больше не повторялся, и я понятия не имел, куда двигаться. Чисто по наитию потрусил вверх по течению. Через метров пятьсот открытый берег в мелких камнях сменился неудобницей со здоровенными валунами. В такой чертовне вообще ни хера не разглядеть. И я чуть не пропустил. И не нарвался. Первым увидел в просвете между камнями здоровенного бугая, что склонился над кем-то. Я на всякий отшатнулся за валун, оценивая обстановку.

– Овца такая, еще бегать за тобой! – рявкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног.

Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся на земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива.

– Пожалуйста... – прохрипела она. – Не надо... Вам заплатят...

– Заплатят, куда ж денутся, – цинично фыркнул ублюдок.

Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

– Нашел? – спросил он первого.

– Ага, – и снова пнул бедолагу. Я аж зубами скрипнул. Сука, ноги тебе повыдергивать за такое и в жопу засунуть.

– Чё, обратно ее волочь, Толян?

– Не, на х*й она уже не нужна. видео сняли. Кончай ее, Васян.

– А чё я-то? Шмальни разок, и все.

– Да чё в нее шмалять, патроны изводить. Камнем по башке и в реку.

– Нельзя же... сказали ж, чтобы никаких следов.

– Да тут ни души вокруг, а зверья валом. В жисть и костей никто не найдет.

– Ну, может, хоть камнями завалить?

Пока они вели над своей жертвой этот поганый спор, девушка, видно, собралась с последними силами и стала отползать в сторону.

– Куда, бля! – рявкнул один из мучителей и безжалостно, с силой поставил ей свою ногу на спину, роняя лицом об камни.

– Охота тебе дрочиться – заваливай. – Вооруженный бандюган повернулся уйти. – А, чуть не забыл! Пальцев ей парочку отрежь. Те, что с колечками. Пригодятся вдруг, если видео папаню не доконают.

И он пошел.

– Фу, бля, ну чё вечно я должен такой х*етой заниматься, – возмущенно пробормотал оставшийся и наклонился, схватил жертву за руку, жестоко выворачивая ее. Полез в карман за ножом.

Именно тогда я, с максимальной скоростью преодолев расстояние между нами, и опустил на его затылок обух топора. Но, сука, надо было не миндальничать, а бить сразу лезвием тварь.

Рухнув на девчонку, боров не отрубился сразу, а взревел, попытавшись вскочить. Палево! Но второй удар его все же упокоил. Подозреваю, что навечно, но и хер на него.

Кровь хлынула на женщину, и я только и успел зажать ей рот, чтобы не заорала истошно. Она боролась со мной, вытаращив огромные, черные от до предела расширившихся зрачков глазищи, брыкалась и колотила куда ни попадя, мыча в

мою ладонь, а потом и вовсе укусила.

– Тихо ты, дура! – зашипел на нее. – Свои, бл*дь, свои! Кончай! Валить отсюда надо!

Еще где-то тридцать бесценных секунд она приходила в себя, затихая. Взгляд ее становился более сфокусированным, зрачки сужались, открывая вид на золотисто-карюю радужку.

– Я не с ними, – продолжал шептать я, удерживая ее. – Не с ними. Поняла? Кивни!

Она кивнула, шаря все еще панически зенками по моему лицу.

– Ни звука. Валим отсюда, – убрал ладонь от ее рта, уже почти уверенный, что не заорет. Взгляд вроде адекватный стал.

Вскочив, я вздернул ее с земли, но ноги девку не держали совсем, и она начала валиться назад.

– Х*й с ним, – буркнул сам себе и закинул ее себе поперек плеч, плюхнув животом на шею, и, ухватив одной рукой за руки, другой за ноги, стартанул в обратную сторону.

Топор оставил. Чем его нести? Нам сейчас только до тачки моей домчать, а там прочь из этой глуши. Куплю я Камню десяток топоров этих новых.

Я только и успел пробежать метров пятьдесят, как сзади грохнул выстрел, и по валуну в полуметре от нас шарахнуло, окатив острыми осколками. Моя ноша вскрикнула и дернулась, я же молниеносно вильнул вправо, тут же влево, понесся уже скачками, что тот заяц, уходя из-под огня.

– Цела?

Ответа не было, а отвлекаться я не мог. Сзади долбо*б с обрезом палил еще и еще, мешкая только, чтобы перезарядить, пока я, виляя туда-сюда, рвался к ближайшим деревьям, что, как назло, здесь росли на приличном расстоянии от

берега.

– Стоять, бл*дь! Завалю нах! – орал он, явно впав в бешенство.

Это хорошо, что бесится. Мало того, что обрез в принципе оружие не для дальнего прицельного огня, так еще и стрелок он был, видно, говно, да еще и психовал. Значит, руки трясутся.

Но выбл*док меня все же достал. Одинокая дроби́на прошила мою икру, как кто раскаленным шилом ткнул. Только поздно. Я уже нырнул в лес, за толстые стволы, и теперь х*й он попадет в меня. Из минусов – сейчас я оставлял прекрасно видимый на снегу след, даже если и обычных-то было бы недостаточно. И утырок с ружьем пер за нами, явно не намеренный сдаваться. Так не пойдет.

Я побежал что есть сил, не выбирая пока направление, просто создавая дистанцию, путая следы. Как только по звуку понял, что зазорчик по времени есть, остановился, поставил еще пребывающую в паническом ступоре женщину на землю, с силой усадил к самому широкому стволу.

– Ни звука и ни шагу, поняла?

Она только пялилась на меня, начав клацать зубами. Бля, хоть бы не околела от холода, а то все зря.

– Сиди! – шикнул напоследок и торопливо покрался навстречу стрелку криворукому, что топал, как слон, и матерился на весь лес.

Я, конечно, не гребаный индеец, но и он как следопыт и охотник явно говно. Шел, почти уткнувшись рылом в след из моей крови, и по сторонам толком не смотрел. Тупая беспечная херня людей, уверенных, что оружие в руках наделяет их суперсилой, однозначно гарантирующей успех. Поэтому мне и удалось без труда обойти его по дуге, заходя за спину. Свистнул, он резко обернулся, нелепо взмахнув обрезом. Я перехватил ствол в воздухе, рванул, отбирая, и вмазал прикладом между глаз, роняя. И еще раза три для верности, вколачивая обломки костей переносицы в его тупой мозг. Все, твое время местное зверье кормить, сволота. Обыскал карманы, нашел четыре патрона, права. Забрал все и прихватил обрез. Бегом вернулся к девчонке. Та уже и трястись перестала,

окаменела прям.

- А ну вставай! - дернул я ее, лишь сейчас рассмотрев, что на ней только один сапог на высоченном каблуке, такой же насквозь мокрый, как и ее шмотки.

Молча я принялся сдирать с нее одежду, и тут замороженная моя пришла в себя.

- Нет! Нет! Не надо! - замолотила опять меня куда ни попадя руками.

- Да кончай ты! В мокром околеешь мигом. В мое одену.

Слава богу, дошло сразу. Заморгала ошарашенно. Раздевать себя не помогала, но уже и не дралась.

Дрова я рубил в одном свитере, так и рванул, но я же не совсем debil и в лес всегда выезжал в теплом нательном армейском белье под одеждой. Скинув свитер, надел на нее.

- Звать как? - В ответ она только икнула. - Сколько их всего? Знаешь?

Снял штаны, наклонился.

- За плечи схватись, - командовал ей, покорно подчиняющейся. - Ногу подними! Теперь эту!

Затянул ремень до последней дырки, но все равно болталось на ней, чуть не спадая. Тощая какая-то - пиздец. Сколько ее держали скоты эти? Вообще не кормили? Отодрав от ее брошенной на землю блузки полоски, завязал низ штанин, чтобы голые ноги не торчали, и огляделся. Выругался. Как и говорил, ни хрена я не индеец и местные окрестности не знаю вдоль и поперек. А пока ломился, уходя от стрельбы, понятие, в какой стороне избушка Яра, а значит, и моя тачка, чуток потерял. Лес и лес кругом, да еще и быстро смеркается и холодает.

Надо возвращаться по своим же следам.

- Слышь, красатуля! - тряхнул я девчонку за плечи. - Сколько их было? Двое?

Она мотнула наконец головой.

- Ч... четверо, - проклацала зубами.

- Стволы еще есть у них?

- Н... не... зна...

- Ясно. Так, дальше тебя так же понесу. Ты прижимайся ко мне покрепче, не замерзнешь тогда совсем. Ясно?

Не дожидаясь кивка, опять закинул ее себе на плечи и пошел назад. На берег вылезать не буду, достаточно просто звук течения услышать, и направление нужное просеку. Главное, не нарваться на подельников двух мною упокоенных жмуриков.

- Если что, я тебя на снег кидаю сразу, а ты не тормози, отползай за что придется. Дерево, камень - пох*й. Лишь бы не попали. Поняла?

Тишина.

- Поняла - спрашиваю?

- Угу.

- И как там ни пойдет... Вдруг одна останешься, топай вдоль реки вниз по течению и смотри в сторону леса. Постарайся тропинку там не пропустить. Выйдешь к избушке и там же моя тачка. Водить умеешь?

Вместо ответа она стала всхлипывать и затряслась еще сильнее.

- Не ной мне! - шикнул и сразу встал, как споткнулся, от хлопка железом по железу впереди.

- Вот п*доры! - прошипел под нос, уже понимая, что оставшиеся два бандюгана, видно, нашли как-то не следы нашей беготни по лесу, а те, что вели к дому

камневского деда. Вот же, сука, везение!

И судя по звуку, только что п*здец пришел моему «Ленд Роверу». Хорошая тачка была. Новая почти.

И точно, сквозь деревья вдалеке заблымало красноватыми отблесками.

– Гондоны бл*дские!

Пробежав вперед еще немного, так что происходящее стало почти как на ладони, я снова ссадил девчонку.

– Значит так. Планы меняются, красотуля. Ты сидишь здесь. Я отойду. – Она дернулась, панически заозиравшись. – Цыц, бля! Отхожу, ты сидишь! Вернусь, будем дальше кумекать, как выбраться. Поняла? Дышишь ровно. Напрягаешь все мышцы в теле, считаешь до десяти, расслабляешься. И опять, и опять, пока не приду за тобой. Отрубаться не смей!

– А если... если... – выстукивая зубами, просипела она.

Если-если, может, и если, но чего гадать.

– От дома дорога в поселок. Далекое. Тридцать пять км. Но жить захочешь – дойдешь. Все. Жди.

Встав, я сдернул с себя еще и футболку с длинным рукавом из нательного. Я чай замерзнуть не успею, а ей все теплее, вдруг что.

На крайняк ума и желанья выжить хватит небось трупы раздеть. А без трупов тут никак не обойдется. Вопрос только, сколько их будет.

Глава 5

Я пришла в себя от сильной тряски в почти полной темноте. Боль в голове и так адская, еще и это. Вспомнив, где я и что со мной, заорала что было сил и задергалась, осознавая, что руки скручены за спиной чем-то. Похоже, жесткой веревкой, которая нещадно передавливала запястья и вгрызалась в кожу. От усилий освободиться становилось только больнее. На мой вопль никто не среагировал. Истерически осмотревшись, я поняла, что лежу в багажнике. Воняло тут ужасно: бензином, машинным маслом, мочой, блевотиной и, кажется, кровью. От этого и у самой к горлу подступила тошнота, но ужас мигом прогнал ее. Мои похитители не прятали лиц! Никаких масок! Они настолько уверены в своей неприкосновенности, или же... или же опознавать их будет некому. Я не должна выбраться отсюда живой, так?

Затрясло, и я разрыдалась от страха и отчаяния. Из салона до меня доносилась громкая музыка, какие-то отвратные блатные шлягеры про тюрьмы и воров, галдеж нескольких грубых голосов и периодически циничный ржач. Паника трансформировалась в злость, и я принялась колотить ногами куда придется. Через несколько минут трясти перестало, хлопнула дверца, и вдруг мне глаза резануло ярким светом и обдало холодом. Я же так и не успела накинуть шубку.

– Пожалуйста, отпустите меня! – затараторила я, обращаясь к темному силуэту бугая, черт которого не могла разобрать пока, щурясь сквозь слезы. – Мой отец может заплатить вам! Он заплатит, сколько скажет...

Договорить мне не дали.

– Пасть захлопни, сука! – И новый удар по голове.

В следующий раз в себя меня привели хлесткие удары по щекам.

– Алло, подъем, овца! – рявкнул кто-то и хлестнул особенно жестко.

Открыв глаза, я обнаружила себя на земле. В снегу. Посреди леса. Метрах в десяти стоял огромный черный внедорожник, дверь была открыта, музыка по-прежнему орала. Надо мной нависали страшными тенями трое амбалов, все так же не скрывая лиц, четвертый еще сидел на водительском месте.

– Вставай, сказал, бля. – Теперь один из жутких громил «слегка» пнул меня по ребрам. Наверняка сделай он это в полную силу, я бы умерла на месте, но все

равно было ужасно больно, и я закричала. Никто, никогда в этой жизни меня и пальцем не трогал.

– Прекратите! Вы хоть знаете, кто мой отец? – взорвалась я снова злостью от боли и обиды.

– А то! – фыркнул один из них. – На колени вставай давай!

Тут я заметила в руках одного из них видеокамеру.

– Вам ведь деньги нужны, да? Вы меня отпустите? Мой отец – богатый человек. Он заплатит. Вам не нужно издеваться надо мной. Он и так даст, сколько скажете. И муж мой даст.

– Встала на колени, сука! – страшно заорал на меня бритый мордатый ублюдок с камерой. – Или я тебе сейчас уши на х*й отрежу, раз ты ими все равно херово слышишь!

Я сделала, что сказал, не в силах сдержать рыданий, как ни старалась.

Господи, этого не может происходить со мной! Не может! Но происходило. И с каждой минутой становилось все кошмарнее. Главный, я так понимаю, из похитителей, включил камеру и велел мне просить отца заплатить за меня. Они сочли, что делаю я это с недостаточным, как один выразился, чувством, и они принялись издеваться.

Хлестали по лицу, дергали за волосы, разорвали блузку. И снова заставили повторить мольбу на камеру. Но и этим не успокоились. Продолжили бить, оскорблять, плевали в лицо, щипали за грудь, глумились, как могли, явно входя все больше во вкус. Я рыдала не переставая, молила их прекратить, грозила, огрызалась, опять умоляла, но их все это только развлекало, судя по всему.

– Жить хочешь, да, папочкина принцесса? – разошелся совсем самый активный, на редкость уродливый тип с корявой, как после оспы, рожей. – Хо-о-о-очешь. Отсосешь мне за то, чтобы отпустили? Всем нам.

– Ну нах! – отозвался тот, что все снимал.

– Да ладно, пацаны, ох*ительно же! Кто еще сможет похвастать, что вы*бал в рот дочку самого Стального короля, а? Давай, Толян, не хочешь сам, такними, как я ее, на память, бля.

– Ты *банат тупой! За такую память тебе самому потом порвут и рот, и все остальное! И нас – за то, что смотрели и снимали. Одно дело – завалить, а такое...

– Ну и пошли вы, ссыкуны! Не смотрите тогда, раз бздите.

– Мужики, пора сворачиваться! – крикнул тот, что так и сидел в машине. – Темнеть будет скоро, и холодно, п*здец.

– Я быстро, – похабно фыркнул желавший поиметь меня ублюдок, схватил за волосы на затылке, вздернул на ноги и поволок за собой. – Сюда иди, шкура, а то у нас тут мальчишки очкуют смотреть.

Его послали на все голоса.

– Ну, давай! – Он толкнул меня обратно на уже и так разбитые колени. – Рот открывай!

Я ничего уже не соображала от издевательств и боли. Ничего, кроме того, что я умру сразу, как он со мной закончит. Я не ошиблась – оставлять меня в живых они не собирались изначально. Я подчинилась грубо надавившей на мой затылок руке и, только ощутив чужую плоть во рту, сжала зубы.

Он взвыл, отпуская меня, и я оказалась на ногах совершенно неосознанно. Побежала. Не разбирая дороги, выворачивая ноги, чудом не падая, отчаянно дергая стянутые за спиной руки. Кажется, я кричала. Сзади грохнул выстрел, я заорала как чокнутая и побежала еще быстрее, так, что казалось, мышцы лопнут. И не успела затормозить, когда деревья резко кончились, а лес стал берегом реки с обрывом. Невысоким, метра три, но о ледяную воду я приложилась боком знатно. И ушла на глубину, беспомощная, со связанными руками, против течения. Но и не готовая сдаться. Извивалась, дергалась, надрывалась, пока меня волокло и прикладывало о камни. В глазах то темнело, то сверкало, легкие горели адским огнем, в то время как остальное тело сжирало диким холодом. Никаких картин всей жизни у меня перед глазами не

пронеслось. Пришла только обреченность. Теперь точно все.

Правое запястье выскользнуло из намокшей веревки. Вдруг. Неосознанно, на одних инстинктах я взмахнула освобожденными руками, мысленно вопя от дикой боли в плечах. Рванулась к воздуху. И колотила конечностями из последних сил, пока в тело не уперлись камни на отмели. Ползла. Наверное. Дальше... все очень смутно. Меня нашли. Догнали. Это конец. Хотя в любом случае конец: не прикончат, так замерзну. И как-то уже плевать. Больше не могу.

Но оказалось, что могу.

Одни стоп-кадры. Удар между лопаток. На щеку и плечи брызнуло горячим. Тяжесть сверху навалилась неподъемная. Не могу дышать. Исчезла. Передо мной рожа нового мучителя. Глаза бешеные, глубоко посаженные. Горят по-волчьи. Страшно. Зажал рот. Скрутил. Шипел в ухо что-то. Сначала не понимала ни слова. Потом. Вспышками. Свои. Свои. Валим. Валим? Мы? Я на его широченных плечах. Дико холодно. Везде, кроме тех мест, где мы соприкасались. Опять на земле. Бросил. Нет. Вернется. Обещал. Рванул мою одежду. Нет, только не снова! Не надо! Унял, содрал все. Я голая перед ним, но не стыдно. Плевать. Хотя глаза эти звериные шарят, будто куски от меня отхватывают уже. Одед в сухое. Душат слезы. Это так похоже на... счастье? Извращенное, неправильное, но счастье, что не бросил. Не тронул. Спас. Не радость, нет. Радость – это что-то сейчас из другого пространства. Здесь ее быть не может. Именно темное счастье. Такое же темное, как подобие удовлетворения от противно стягивающей мою кожу высыхающей крови мучителя.

Мой неожиданный спаситель зол – бандюки добрались до его машины. Он собирался опять уйти. Я запаниковала и стала цепляться за него. Он шепотом прикрикнул на меня, пообещал вернуться. И я поверила. Сразу. Говорил что-то про дорогу. Едва уловила. Велел ждать. Это запомнила твердо. Села у дерева, делала как он велел. Напрягала все мышцы, даже зубы сжимала, считала до десяти. Расслаблялась. Не понимала зачем, но делала. Он велел. Сначала ничего, кроме боли, не чувствовала. Наверное, это нужно, чтобы и правда не отключиться.

Со стороны пожарища слышались крики. Сердце замолотило. Выстрелы. Мозг прострелило импульсом бежать отсюда сломя голову, но нет. Напрячь все

мышцы, считать до десяти, расслабиться. По нервам – страх ледяными искрами, но при этом по всему телу – подобие тепла. Оно уже не так скованно. Снова выстрел. Крик. Жуткий очень. Хрип. Тихо. И внезапно – бабах! Вспышка осветила лес, доконав меня, и, подорвавшись с места, я рванула. Попыталась. Жесткий захват поперек талии. Земля исчезла. Мои ноги замолотили в воздухе. Забилась в бесполезном усилии вырваться, вопя во все горло.

– Тихо! – рыкнул знакомый хриплый голос у самого уха, и во мне как тумблер сработал. Повисла тряпкой в его захвате. – Я тебе сказал сидеть. Куда собралась?

Он не спрашивал даже. Перехватил мое безвольное тело поудобнее, разворачивая к себе, и опять понес. А я уткнулась лицом в его голую грудь. Сильно так, что даже в носу хрустнуло, и обхватила руками. Сжимала их, сжимала. Будто судорогой свело.

Неожиданно мой спаситель остановился и стал меня от себя отцеплять. Нет, только не еще раз! Я не могу больше без него остаться! Борюсь с ним, цепляюсь еще сильнее. Вжималась губами в его кожу где попало. Не целовала. Прилипала, удерживая контакт еще и так.

– Да что же ты творишь-то! – рыкнул он, опуская меня на что-то и наваливаясь сверху. Давая шанс теперь еще и обвить его ногами. Огромного, твердого, нужного до истерики.

Глава 6

В абсолютно пустой башне грохотало набатом одно: «Я *бнутый извращенец, п*здец-п*здец-п*здец!» Грохотало громко, отчетливо, никакой, бл*дь, двусмысленности.

Но это никак не помогало. Оно гремело где-то там, рядом с нормальностью, куда мне сейчас была только одна дорога – через содрогающееся от моих бешеных толчков женское тело подо мной. А чтобы добраться туда, нужно кончить. Край нужно. Дышать не нужно, а кончить – да. Поперло внезапно, еще когда схватил

ее, ломанувшуюся в панике от взрыва, и прижал к себе. И тут же как разрядом *бнуло от яиц и до мозгов, прошло так, что аж мотнуло, как вдатого, – с места и в говнище, как от выстрела в черепушку.

На адреналине всякая херня с людьми происходит, знаю, помню – чего только не повидал в Чечне, но справиться с собой это ни хера не помогало. У меня встал от тисканья женщины, чьего имени даже не знаю. Паникующей, трясущейся совсем не от возбуждения. От страха. Не передо мной. Но это разве что-то меняет? Да только пох*й. Я только что захерачил двух ушлепков: одного залпом с обоих стволов в грудь, второго удушил, повалив мордой в снег. Думал, больше такого никогда... Да срать на это сейчас! Мы посреди долбаного леса, на морозе. Машина полыхает. Черт знает, как выбираться из всего. Она избита, напугана, может, даже прошла через насилие... да только этому гаду внизу плевать. Тварь такая! Сколько времени головы не подымал, разве что спросонья, а теперь... И дело ведь не только в нем. Не только.

У меня аж челюсти свело от похоти. Лютой. Вгрызшейся в меня с той же свирепостью, с которой я только что убивал. Такое насмерть. Непобедимо. А все из-за нее. Девчонки этой. Впаивалась в меня вся, будто оторви – и смерть ей. Но надо бороться. Надо.

Развернул девчонку так, чтобы, сука, стояком ей спину не подпирать, да только она с этим у*бком озабоченным как сговорилась. Обвилась по новой, прижалась вся, будто нужнее меня никого и в мире нет. Мне этим так вставило, что штормить прям начало. Попер чуть не бегом до бани, скрипя зубами. Я нормальный мужик, нормальный, а помирать от желания трахнуть женщину в таком состоянии ни хрена не нормально. Это пиздец как у*бищно. Скотство. Мразью последней быть надо.

Пинком дверь открыл, влетел в темноту, отцепить ее попытался, оторвать от себя. Пару вдохов без прикосновений – и попустит. Должно.

Да только без шансов. Моя спасенная вскрикнула тонко, отчаянно и цепляться стала вообще неистово. Я ее на лавку спихивал, а она карабкалась на меня, ногтями царапала, впиваясь, ногами обвивала. И по коже на груди ртом. Открытым, жадно, бездумно, задевая зубами, будто пила, давясь, или еще и так удержать хотела. Не удержала. Не мог я больше держаться. В мозгу взорвалось, заполыхало, по мышцам током шарахнуло, колени подрубило, роняя на нее. А она как и ждала этого. Выгнулась, извиваясь, принимая, как будто водой, тоской

голодной была. Пятки в поясницу вогнала, в плечо укусила. Я рыкнул, сатанея совсем, сгреб волосы на ее затылке пятерней, вынуждая отпустить. Пока отпустить. Потом пусть хоть загрызет. Подорвался под ее жалобный всхлип. Схватил за брючины, легко вытряхнув ее из своих штанов. Рывком задрал ей свитер. Так же резко сдернул с задницы нательное вместе с трусами. Член по животу что та дубина резиновая шлепнул. Навалился обратно, уткнулся мордой в изгиб ее шеи, присосался, наверняка оставляя след, и рванулся в нее. Туго. Горячо. Сухо. Больно. И мне, и ей. Ну остановись же ты, дебил. Не хочет ведь, не хочет. Она не хочет, а я, бл*дь уже не могу. Я весь, каждым нервом и мыслью, там, в этом пробивающем себе путь в ее не готовую плоть стволе. Я даже чуть сдать назад не могу. И она не может, потому что держит, ногти в плечи вгоняет, открывается шире, сама насаживается. Трясься и скрипя зубами, качнулся раз. И еще. И моя спасенная-жертва потекла. Моментально, щедро, аж захлюпало. Я чуть сразу и не обкончался. По головке как маслом, шелком, жаром, жадным захватом разом. По нервам – чистым кайфом ее стонами. По мозгам мне осознанием, что вот так, остро, жгуче, по-живому, ох*енно, не было... не было никогда. Не помню уже.

Замолотил бедрами, окончательно съезжая крышей от хриплых криков моей незнакомки. От того, что внутри она сжималась вся, как если бы и так еще удерживала, не отпускала.

Сраная лавка слишком узкая. Уперся ладонью в стену, а одной ногой в пол, чтобы врываться в нее еще сильнее, еще... еще... Каждым толчком до упора, так что глубже – нереально, только порвать напополам. С оглушительным в замкнутом пространстве чавканьем плоти о плоть, мокром, пошлом, от которого сатанел.

Моя девочка задохнулась, задрожала вся мелко-мелко, и мне до смерти в тот миг захотелось увидеть, как она кончает. И тут же накрыло и самого. Дергало и гнуло, как досуха выжимая. Думал, весь скончаюсь. Повалился на пол на бок, чтобы не задавить. Лежал, плясья распахнутыми глазами в темноту, а меня все прошивало и прошивало спазмами, выдавливая хрипы. И так до тех пор, пока не услышал всхлипы.

– Что я сделала... – клацая зубами, пробормотала моя неожиданная любовница. –
Что сделала...

– Успокойся, – просипел я, поднимаясь. – Это нормальная реакция на страх и все такое. Ну, в смысле все херовое надо поменять... бля, заместить чем-то приятным. Как-то так.

Ага, психолог из меня невдолбенный.

– Не нормальная! – сорвалась она уже на крик и вскочила, сходу начиная рыдать. – Ничего тут нормального! Как мне жить теперь?!

– Так, ясно.

Подтянув на место нательное, я быстро вышел из бани, в свете костра из моей тачки нашел водку в снегу.

Вернулся, торопливо нашарил керосинку и спички, зажег и вернулся к ней. Она... Бл*дь, вот ты скот, Колян! Имени не спросил, а отымел так, что ноги у самого до сих пор трясутся, да и у нее завтра не факт, что сходить за просто будут. Девушка съежилась у стены, качаясь, и рыдала взахлеб, бормоча свои «как жить».

Взял ее за подбородок, она дернулась вырваться, глаза заплыли от слез и побоев, горят безумно, губы опухли и треснули. Урод, ну какой же я урод! Удержал, нажал на челюсть с двух сторон. Заставил пить. Она вырывалась, давилась, кашляла, обливалась, била меня по рукам. Лягнуть даже пробовала.

– Пей, сказал! – рявкнул на нее.

Влил в нее где-то стакан. Поднес к своим губам горлышко. Но пить не стал. Мне сейчас ясный мозг нужен.

– Как зовут тебя?

– Ал... ик... Александра.

Александра. Сашка у меня тут.

– Так, успокаивайся, Сашка. Я тебя закутаю сейчас, тепло нам организую. Отдохнешь чуть, и поутру пойдём тачку этих гондонов искать. Выбираться надо.

– Ты их... всех? – Она пыталась на мне взгляд сосредоточить, но, видно, алкоголь уже врезал по мозгам, и голова ее непроизвольно откидывалась, а взгляд съезжал.

– А оно тебе надо – знать? Спи, сказал.

Сашка будто ждала команды, обмякла, невнятно бормоча и закрывая глаза, и меньше чем через минуту совсем затихла, скрутившись клубком.

Я бегом смотался в самую избушку, загреб там шкуры, одеяло ватное – короче все теплое. Так же рысью вернулся, обернул Сашку так, чтобы из плотного кокона и макушка не торчала. Дал чуть времени пригреться, опять метнувшись в дом. Набил печку щепками, запалил. Чуть только тепло пошло, перетащил девчонку из бани.

Нафигачил дров, как разгорелось, и через полчаса в доме была теплынь. Воздух прогрелся, хотя, конечно, все было настывшим и для настоящего комфорта понадобится время. Но мы-то тут чисто до утра – сил набраться, потом двигать надо. Решив не откладывать досветла, оставил Сашку сопеть в клубке одеял, пошел на улицу – говнище всякое прибрать надо.

Мой «Ленд Ровер» уже догорел почти полностью, подмигивая мне редкими всполохами. П*доры, вот как есть, на кой было первым делом в движок стрелять? Хорошая же тачка была.

Морщась от брезгливости, обыскал, раздел трупы, покидал шмотки в костер, что они же устроили из моей машины, чуть оживив пламя. Оставил только на всякий случай ключи, доки, какие нашел по карманам. Надо быть в курсе, с кем дело имел.

Подхватил под мышки уже коченеющую тушу ближайшего беспредельщика, потянул по тропинке к реке. Бросил в воду. Второго туда же. По камням протащит, да рыбы со зверьем понадкусывают, и даже если кто найдет, то ни хрена не опознают. Да и опознают, нам-то с Сашкой что? Небось по друзьям-родным оповещения не делали, что повезли девчонку в лес кончать. Хотя

вопросов даже по тому, что я успел услышать тогда на берегу, рождалось до фига. Девочка она не простая, они ее не от похотливой прихоти схватили явно, не поразвлекаться в лес завезли, хотя и такое сплошь и рядом стало в нашем убудском мире твориться. Я четко слышал, что снимали видео, значит, похитили ради выкупа. Вот только, судя по всему, возвращать Сашку не собирались. Передернулся, вспомнив, что один сученыш велел другому отрезать ей пальцы с кольцами. Вот ведь... Голыми практически руками замочил четверых, а в душе и не шелохнулось нигде. Ни сочувствия, ни сожаления, даже настоящей злобы не было. Злоба, она в таком деле лишняя. А жалеть... Родителей таких вот гадов жалко, да. Но ведь не моя вина, что такое из их детей выросло, и уж они ничьих родных-близких не жалели никогда. Вот от мысленной картины, как тот гондон пальцы Сашке режет и камнем голову разбивает, в груди клокотать начинало и хотелось еще раз их всех...

Вернувшись со службы на Кавказе, я вроде как заблокировал в себе воспоминания о том, какими зверями способны быть люди, что творить с другими людьми. И как легко убивать таких. Как неестественно спокойно на душе при этом. Легко быть чудовищем, уничтожающим других чудовищ. И я почти стал верить, что это самое чудовище во мне издохло от нормальной жизни. Ну или уснуло навечно. Но ни хрена. Ни хрена! Только почуяло оно опять перед собой новых монстров, и вылетело. Ни тормозов, ни единого сомнения. Так что смирился, Шаповалов, зверь ты по натуре. Зверь и изврат теперь еще, у которого на нормальных баб не вставал, а на избитую, перепуганную, отчаявшуюся встал до темноты в глазах, до полного неадекватности. Потому что и она вот такого монстра захотела? Нуждалась в нем? Ну так это ненадолго. Это пока не соображала от страха ничего. Вон сразу и пожалела.

Так, спокойно! Об этом потом. Вывод из того, что увидел и услышал: Александру похитили не ради бабок. Или не только из-за них. Скорее всего, она – жертва для устрашения кого-то. Нагнуть надо кого-то несговорчивого, видимо, а это уже сильно серьезно. Эти четверо так, никто, быки, исполнители. За таких не мстят в основном, но мало ли. Если заказчик упертый какой, то с него станется послать еще бойцов, объявись девчонка живой-здоровой. Есть у нее кто, на кого можно положиться? Кто прикроет, защитит?

Тупой вопрос, Колян. Был бы такой, она бы сейчас в камневской избушке не лежала. Хотя кто угодно может налажать, не уследить.

Не можешь – не берись тогда, дебил! Бесит аж!

Ладно, разберемся. Разберусь сначала, что она за девочка, чья, а потом и выводы делать и решать буду, вернуть или...

Пока волок второго амбала к реке, погода стала быстро портиться и повалил снег. С одной стороны, хорошо: хрен следы и чё тут было разберешь. А с другой, я опять же ни черта не следопыт, и шанс отыскать остальные тела и машину бандюков поутру резко снижался. А найти надо по-любому. Мало того, что нам с Сашкой нужно выбраться, так еще и нечего тут колымаге и трупам делать в принципе. Слишком близко к дому яровскому, а значит, палевно. Подставлять никого мы не будем. Но до утра все равно ничего не сделать больше.

Набрав дров, я вернулся в дом, обтерся, оделся, погасил лампу и сел у окна наблюдать за окрестностями и дорогой, пристроив на подоконнике обрез и ТТ, добытые у бандюков.

Глава 7

Глаза никак не выходило открыть. Как и сразу вспомнить почему. И отчего моя обычная в последнее время головная боль сегодня была просто адской. Застонав, я хотела откинуть одеяло, под которым было очень жарко, но тут же вся и похолодела, поняв, что толком и шевельнуться не могу, а усилия сделать это провоцируют вспышки боли повсюду. Кроме привычной ломоты еще и жгучие очаги на ребрах, плечах, коленях, правом боку. Саднит, будто отбитая, поясница, спина, тянет низ живота. Между ног слишком влажно и так...

Вскрикнув от остроты нахлынувших разом воспоминаний, я задержалась, впадая в панику от невозможности двигаться.

– Тихо ты, Сашка, – раздался хриплый голос моего вчерашнего спасителя, а заодно и любовника. – Нормально все.

Нормально. То же самое он мне твердил и после того, как... изнасиловал? Нет, неправда это. Воспользовался моим неадекватным состоянием? Опять же не совсем так. Я, конечно, истерила, но когда все началось... когда он рывками содрал свои же вещи, стал входить в меня, распластав на той узкой лавке в

темноте, когда моя бешеная нужда держаться за него, как за обещание, гарант того, что уже все, больше не тронут, и боль от его чрезмерного, беспардонного вторжения и давления твердой поверхности подо мной смешались, превращаясь... в безумие, зверство первобытное... От которого реально захлебывалась остро-жгучим удовольствием.

Хотя что за определение «удовольствие»? К моим ощущениям оно так же подходит, как сказать, что внутри солнечного протуберанца тепло. То, что было... оно скорее пытка, мучение, но именно от него я едва не умерла, кончая. Разве это нормально? Разве это там вообще я была?

Я замужем, я люблю своего Гошку, я хочу только его, я терпеть не могу грубость в принципе в жизни, а уж тем более в постели. То есть... я люблю только так, как у нас было с мужем, никого ведь больше...

Господи, Алька, о какой безумной хрени ты сейчас думаешь? Люблю, хочу...

Меня похитили, издевались, почти убили. На моих практически глазах незнакомец прикончил четырех человек. Хотя разве они были люди? Скоты.

А дальше... Скотство заразно, да? Иначе как объяснить то, что случилось дальше. Что я, по сути, отдалась, а он взял... Ни про какое это не «люблю и хочу». Это другое все. Категории, вселенные даже разные. В обычной жизни такого не бывает, слов для этого я и не знаю даже.

– Ты в порядке? – наклонился мужчина надо мной, еще плохо различимый в сером предутреннем свете.

Все, что я запомнила и видела сейчас, – он огромный. Бритая голова. Плечи, на которых нес меня, широкие, мощные, как валуны. Ладони, которыми удерживал, здоровенные, твердые, горячие очень. И он тяжелый. Сильный до жути. Пах снегом и потом. И сгоревшим порохом. И внутри меня его тогда было так много... Внутренние мышцы сжались, добавляя тягучей боли в животе и там, в сокровенной глубине тела... такой, черт возьми, глубине, где никогда прежде я не чувствовала... никого. А сейчас... Там болело, но не так, что хотелось замереть, расслабиться, переждать, пока схлынет. Нет. Невольно тянуло сжимать мышцы там снова и снова, переживая эти волны тягучей болезненности. Как чесать укус комара. Безумие, как есть разрушительное

безумие.

- Я... - вышел какой-то сип, и снова прошило болью. Совсем другого свойства. Губы, треснувшие, болели, горло, ребра. - Мне нужно...

- Сейчас, - мой спаситель нахмурился. Кажется. Мне так почему-то показалось, пусть света и было недостаточно, когда он стал разворачивать меня, как спеленутого ребенка. - Ведро вон там в углу, - он кивнул в нужном направлении. Реально ведро. С крышкой.

- Что? - оторопела я.

- Я не буду смотреть, не хипишуй.

- Я не могу...

- На улицу не хрен шастать. Потная вся со сна, - с легким раздражением ответил он.

- Я не буду при тебе! Я замужем вообще-то! - черт знает зачем и выпалила это. Очень вовремя вспомнила. К месту. И не плевать ли ему?

- Угу. Замужем, - шумно выдохнув, кивнул мой спаситель.

- Я... я не знаю, как вышло... это.

Он только молчал и смотрел. Глаз и выражения лица в полумраке не разобрать, но у меня аж мурашки рванули.

- Я никому не скажу... ни о чем, - проямлила, все более теряясь под его невидимым, но физически тяжело ощутимым взглядом.

- Думаешь, меня е... волнует? Сдохли и сдохли. Мрази.

- Я не только про... этих. Мы там... будем считать, что не было... ничего.

– Не будем, – отрезал он, пугая меня. – Вставай.

Не дожидаясь, пока послушаюсь, он отбросил тяжелый край шкуры и рывком поставил меня на ноги. Стало стыдно до удушья. Сверху его свитер, ниже пояса ничего. Ничего не видно «такого», но я в жизни себя более голой перед посторонним человеком не ощущала. А приток влаги между ног... Само собой, ни о каком предохранении в момент вышибшего мне мозги безумия я не вспоминала. Хотя вспомни даже, будто бы это что-то поменяло в э-э-эм-м-м... процессе. С Гошей мы всегда пользовались защитой. Он отказывался доверять только мазям и таблеткам. Странно даже, до чего он боялся моей беременности. Боже, Алька, о чем ты опять? Мы же сто раз все это обсудили, переговорили. Наши дети не должны были рождаться пока просто потому, что кому-то кажется, что пора. Во-первых, нам рано, мы же никуда с этим не торопимся. Во-вторых, хватит и того, что мой отец давит на меня и Гошку. Не хватало еще и им это терпеть. Пока мы не станем совсем независимыми, никаких детей.

Внезапно подумалось... это выходит, что мы с Гошей ждем смерти моего отца? Ведь так? Почему именно сейчас осознанием накрыло?

– Сашка, отомри. Быстро давай дела свои делай, – заставил меня вздрогнуть его голос.

– Ка... как вас зовут? Или мне лучше не...

– Николай.

– Понятно, – встав на ноги, я охнула, поняв, что у меня, похоже, подвернута правая нога.

Поковыляла к ведру, говоря себе, что, наверное, и не смогу. Оглянулась на Николая. Он отвернулся и как раз загружал дрова в небольшую печку. Присела, едва дыша от стыда. Даже если он не видит, то не глухой же! Но организму было плевать на мою неловкость. И после всего... что было, еще такого стесняться?

– А нет... салфеток влажных? – робко спросила, морщась от липкости между ног.

– Были. В машине.

Мужчина подошел к сумке на лавке и, порывшись в ней, достал серую футболку.

– Хорошо хоть барахло сразу достал, – сказал он, намочив край трикотажа в котелке на печке. – Босиком не стой на полу!

– Я вам все компенсирую, – выпалила, попятившись, когда он подступил ко мне. – Спасибо вам. За все. Я отблагодарю. Никому не расскажу. Никогда.

– Сядь, – кивнул он на лежанку.

– Я сама, – схватилась я за мокрую ткань. – Не нужно больше... ничего такого.

От его близости мне моментально стало жарко, сердце замолотило, и снова в низу живота стало тянуть и внутри сжиматься.

– Сядь, говорю. – Николай мягко, но так, будто и не было сопротивления с моей стороны, толкнул меня в грудь, опрокидывая на лежанку. – Посмотрю, чего натворил. – И опустился на корточки напротив.

– Что? – Я подтянула ноги к себе, зажимаясь. – Все в порядке, не... не нужно.

– Сашк... Кончай это, – уронил так... тяжело, окончательно, что ли, что я, сама не знаю почему, подчинилась.

Безропотно позволила ему развести себе бедра и всего раз дернулась, стоило ему первый раз провести по коже влажной тканью. Задержала дыхание, зажмурила глаза, твердя себе сквозь бешеный грохот крови в голове, что это ничего не значит, что сейчас все закончится, что, в принципе, ничего такого не происходит...

– Сашка, не психуй, дыши, – хрипло пробормотал Николай, проводя между моих ног снова и снова, и с каждым движением это все больше напоминало ласку, или просто я подвигалась умом от невыносимой нереальности ситуации. Такого не может происходить со мной! Не может! Не снова! – Это нужно. Не держи себя. Бесплезно.

Что? Что нужно?

Жадно хватнув воздух, вместо него я вдохнула будто живой огонь, что вмиг промчался с током крови повсюду. Спину выгнуло конвульсивно. Я стукнулась затылком о стену за спиной и застонала. Пошло, как какая-то...

- Больно? - Голос мужчины уже напоминал скрип.

А мне было больно. Больно от того, что заживо загорелась. От того, что внутри все узлами связало мучительными в... предвкушении? Чего? Того, что он опять будет во мне? Как это опять может происходить со мной? Как я, замужняя женщина, могу на пустом месте, ни с чего вот так начать задыхаться от желания к незнакомцу? Не от желания, нет. От лютой похоти. Безотлагательной.

- Ко мне иди! - рыкнул Николай и дернул за руку, практически роняя на себя.

А я... я потянулась трясущимися руками к его ширинке. Рывками расстегнула его штаны, не глядя, запрокидывая голову и подставляясь под его жалящие поцелуи. Окончательно поплыла от его хриплого стога и от ощущения мощного ствола, что стиснула загребущей ладонью. Слепо щупала его, ловя пальцами пульсацию в выпуклых венах, размазывая его влагу по массивной головке. И заорала до боли в горле, когда Николай приподнял меня, как невесомую, и насадил на себя. Так же, как в первый раз. Разом, до конца, с болью и взрывом чистейшего кайфа в каждом моем нервном окончании. Меня мотало, как безвольную тряпку, пока он врывался снизу снова и снова, толкаясь так мощно, что мои колени отрывались от пола. Пусть я и была сверху, но абсолютно ничем не управляла. Он брал меня, как сам хотел, порывивая по-звериному в мою кожу что-то матерное про то, какой кайф быть во мне. Долбил, как одержимый, с силой насаживая на себя. Заставляя кричать и кричать от чрезмерной наполненности. Улетать от того, что во мне не могло уместиться столько ощущений разом. Я взорвалась, забившись в его захвате, а Николай замер, вдруг отстранившись, и смотрел, как меня колотило в оргазме, смотрел неотрывно, и со мной это творило нечто совсем безумное. Я обмякла, задыхаясь от мучительного удовольствия, которое он продлил, сорвавшись в совершенно бешеном темпе, доводя себя до финала. И кончая в этот раз, он выстонал мое имя.

Боже, что же я творю?

Глава 8

Поздняк метаться, Колян. Вставило тебя. Реально так. Сходу. И похер, что прежде такого не случилось. Не осознать, что случилось, невозможно. Ведь если никогда в жизни в яму с кипятком не проваливался внезапно, то совсем не значит, что ты станешь сомневаться, что это она, когда там окажешься. А я, сука, в кипятке. По макушку. Стоит только к этой Сашке приблизиться. Прикоснуться. Уловить, как она на меня отзывается. Сразу как разрядом по моим тормозам шарашит и вырубает их, отпуская лютую похоть с цепи. Один вдох – и понеслась. И с ней та же херня. Пусть и сопротивляется, стыдом давится, опоры ищет, чтобы тормознуть. А нет ее. Как и у меня. Ни опоры, ни оправдания больше в виде первого адреналина в крови. Это просто есть между нами. И от этого еще все жестче и горячее. Вот только кончил, еще в ней, а все равно голодный. А надо ведь мозги включать и выбирать. Выхаживать Сашку мою, разбираться, что да как. Муж еще какой-то где-то на задворках маячит. Сейчас, когда мы здесь, она ко мне прилипла, – на задворках. А потом хер знает, еще надо будет постараться его куда подальше отправить.

Стоп. Надо? Кому надо? Мне?

– Вот так это происходит, да? – подрагивая еще, пробормотала Сашка в мою потную шею.

– М? – Вставай, Колян, поднимай жопу с пола. Ну! Нужно, пусть и охереть хорошо и вот так.

– Измены. Когда говорят, что сами не понимают, как и случилось. Будто и не с ними все это, как другой человек это был. Теперь я понимаю. – Не-а, не понимаешь. П*здеж все это галимый. Никакой не другой человек. Ты, ты это сама была, и тебе это было нужно, как и мне, сильнее, чем дышать. Почему – вопрос десятый, на потом, и, в принципе, мне пох. Важно то, что все, что тут было, – оно настоящее. Острое, жгучее, живое. Для обоих. – На пустом месте. Это же просто невозможное что-то.

Сашка заерзала, и я таки поднялся вместе с ней, хоть и со скрипом. Усадил аккуратно на край лежанки, поймав ее легкую гримасу дискомфорта. В грудь кольнуло стыдом. Но не сожалением. Нет. Я должен, конечно, если по-людски, сожалеть. Она и так измучена, а тут еще я ее затрахиваю, как животное обезбашенная какая-то. Но не выходило сожалеть. А вот хотеть опять – легко. Оголодал. Да. Но не только. Зверел-то я окончательно не только потому, что мне мозги внезапно вернувшийся стояк подпирал. Дело в Сашке. В ее отклике. На тысячу процентов настоящем. Бля, тормози!

Намочил опять футболку в горячей воде и протянул девушке. Пусть уж и правда сама в этот раз. А то снова в себя придем, только когда кончим.

– На пустом месте ничего не бывает, Сашк.

– Что?

Нет, мы пока тему эту развивать не станем. Вон как вскинулась, глазами опухшими сверкнула в гневе праведном, губешки потресканные затряслись. Не оскорбляю я тебя, дурочка. Просто версию твою о том, что и второй раз вставило ни с чего, поддерживать не намерен. Потому что точно знаю: подойду сейчас, трону – и вставит и в третий. И еще.

– Расскажи мне все о похищении, – велел, переключая ее, и чуть не пожалел.

Сашка вся как замерзла. Взгляд остекленел, лицо, на которое я столько пялился ночью, отходя со своего поста у окна, мучительно соображая, почему улавливаю что-то знакомое, исказилось.

– Не реви! – рыкнул, и она вздрогнула, будто хлестнул ее, но так даже лучше. Нечего ей все заново переживать.

– Я не... рассказывать толком нечего. Около фитнес-центра вышла из машины, а тут они затормозили рядом. Вырубили. Очнулась первый раз в багажнике. Кричала, стучала, ударили снова. Потом уже сразу лес. На ко... – она судорожно вдохнула, и вздрогнула, – на колени поставили. Стали видео записывать. Потом... один... в общем, я вырвалась чудом. Побежала. В речку упала. Потом нашли опять на берегу. И сразу ты. Спасибо те...

– Что они велели говорить? – спросил, подходя и забирая мокрую тряпку, когда она заозиралась рассеянно, ища куда ее деть.

– Что? – встрепенулась она.

– Укройся, застынешь, – кивнул ей обратно на кровать. – Можешь точно вспомнить, что и кому они велели говорить?

– Я... что-то про то, что нужно сделать все, что они хотят. Иначе меня станут пытаться и все такое.

– Конкретно про деньги было?

– Я не... не помню. Вроде нет.

– Адресовалось все кому? Мужу твоему? Он у тебя кто?

– Гоша? – Да пох, как его там. – Он никто. – А вот это хоть и оговорка, но душу прям согрела. – То есть... дело тут в отце моем. Гоша сейчас просто бизнесом его управляет, пока отец в больнице.

– Отец кто?

– О... Ольшанский...

– Иван Палыч? – Сашка рвано кивнула, зарываясь в одеяло-шкуру по самый нос.

Вот, значит, как. Дочь Стального короля тут у меня.

Вот почему мне знакомой показалась. Он же «Орион» нанимал безопасность на свадьбе ее обеспечивать, когда я только пришел к мужикам туда. Веселая была свадьбка: народу пару тыщ гуляло, бабки рекой, пыль в глаза, ну все как полагается на мероприятиях такого уровня и у таких конкретных людей. А мне там веселья особого не было. Ибо чуть не опозорился при всем честном народе, потому как на невесту у меня случился стояк просто бешеный. Скотский какой-то просто. Я этот зуд потом три дня по саунам унимал. А все потому что Александра Ольшанская выглядела в том белом воздушном платье как адово

искушение для меня. Никакого обоснуя для этого, но до красной пелены перед зенками. Личико куклячье, по-настоящему куклячье, детское такое, наивное, а не потаскано-отштукатуренное. С глазищами, счастливыми, сверкающими, огромными, в пол-лица. Светилась вся изнутри до такой степени, что почудилось – от земли оттолкнется и улетит. Нечем ее земле этой удержать, нездешнее она нечто, волшебное, бя. Зато формы такие, что яйца сразу что те камни загрыкали и мозги в кашу. Дал бы кто волю, я б ее мигом сожрал. Содрал, как зверь, все это белое, пушистое и зубами, языком, пальцами, членом гудящим – в плоть.

Камнев просек тогда, что у меня с какого-то хера башня перекосилась, и отправил в офис от греха подальше. А вот Боев, конечно, не упустил шанса обстебать, когда вместе оттягивались. Сказал, гогоча, аки конь тыгыдымский, что теперь точно знает, какие *бнутые маньяки на рожу бывают.

Александра Ольшанская. Вот оно как. Сделала жизнь кружок в пять лет, и все равно ты подо мной оказалась. Как не узнал-то тебя? Ясно дело, после родов тех лицо опухшее, измученное, зареванное, но все равно... Что-то изменилось прям радикально. Исхудала, смотреть больно, но не в том суть. Я ведь тогда не столько черты ее запомнил или на фигуру там запал. Нет. Другое это было. То самое сияние в глазах, в ней всей, как свет солнечный, что мне после мрака недавнего на службе божьим даром показался. Чудом каким. А после того, через что прошла, какой там свет и невесомость. Вот и не узнал. Или все же узнал. Тем самым нутром звериным, что все эти годы молчало, угомоненное спокойной жизнью. Оно и тянется к ней с бешеной силой, учуяв желаемое даже в обход разума и осознанной памяти. И вот вопрос на миллион: есть хоть один шанс из этого самого миллиона, что теперь, заполучив, испробовав, заграбастав, монстриная моя сущность согласится ее отпустить? Отдать. Гоше, бл*дь.

Хер ему. По всей морде холеной.

– Так, Сашка, давай-ка сейчас пожрем и начнем рядить тебя во что есть. Будем двигать отсюда.

– Да, – закивала она как-то очень нервно. – Мне домой нужно очень. Папе нельзя волноваться, сердце у него, и Гоша мой с ума сходит.

Сердце – это серьезно, а вот на Гошу твоего срать мне. Жратву, что я покупал, из машины вытащить не успел, к сожалению. Но вот в подполе в избушке яровской всегда можно откопать чего на черный день. Я внимательно еще раз оглядел в окна подступы к дому и только после этого полез в подвал. Нашлась-таки пара банок каши с мясом. Значит, будем топтать не с пустым брюхом.

Поднялся, открыл, разогрел, кумекая, как лучше нам выдвинуться. Оставить Сашку и разведать, где тачка? Не, не вариант ее бросать тут без защиты. Мало ли что. Вместе пойдем. Или на себе понесу, не надорвусь – вон кожа да кости. Кстати, с хера ли, если не держали ее долго и голодом не морили? Я же помню, какой была. У-у-у-ух, какой. Аж пальцы тогда крючило от желания тискать ее такую ох*ительно мягкую на вид грудь и попу. Ладно, с этим тоже разберемся.

– Так, давай есть, – обернув банку в тряпку, я подал ее Сашке.

– Нет, – замотала она головой. – Не смогу я. Меня вырвет.

Я прищурился раздраженно. Что, дешевая еда простых смертных не для воздушных принцесс? Но тут заметил, что у Сашки весь лоб в испарине и ее явно потряхивает. Взгляд какой-то бегающий, будто ни на чем сосредоточиться не может. Заболела все же. Отставил еду, потрогал ее лоб. Жара не было, наоборот, холодная какая-то. От прикосновения дернулась, будто у нее кожа болела, простонав «Тошнит». Нахмурившись, поймал пальцами за подбородок и поднял лицо к себе, опознавая поганые симптомы.

– Ты на чем сидишь, кукла? – прорычал сквозь зубы, глядя на ее расширенные до предела зрачки.

Глава 9

Плохеть мне начало стремительно, стоило поостыть после нашего взрывного секса. Боль в мышцах, ломота в суставах, глаза режет, пот липкий, потряхивало все сильнее. Как будто и так не было паршиво. И физически, и морально. Господи, жила двадцать пять лет и не знала, что шлюха. Озабоченная самка, что сама бросилась на чужого мужика. Позволила поиметь себя, как... Черт, для

этого похотливого зверства, жесткости, от которой я вдруг вся становилась как всеми и каждым нервом наружу у меня и слов не было. И это при живом-то муже! И ладно бы один раз! За повторение мне было стыдно до удушья. Стыдно. Больно. Но ничему из этого не выходило полностью уничтожить осознания, что я этого хотела. Сама. Так что всю ломало, тянуло и выкручивало, стоило Николаю до меня дотронуться посильнее, чем сейчас от этой дурноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/cherediy_galina/biryuk

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)